

ИЗОБРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ О.Н. МИХАЙЛОВА «ЗАБЫТЫЙ ИМПЕРАТОР»

Чжан Шицун

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
aidazh@126.com

THE DEPICTION OF THE REVOLUTION IN O.N. MIKHAILOV'S HISTORICAL-BIOGRAPHICAL NOVEL "THE FORGOTTEN EMPEROR"

Zhang Shicong

Summary: The article examines the "revolutionary" part of O.N. Mikhailov's Historical and Biographical Novel "The Forgotten Emperor". The text of the novel is compared with documentary sources – memoirs of historical figures and research works of historians. The writer presents the revolutionary underground through the prism of the famous renegade revolutionary L.A. Tikhomirov. It turns out that, on the one hand, the narrative about the revolutionaries in the novel consists of extensive excerpts from Tikhomirov's memoirs, which ensures the plausibility of the historical narrative. On the other hand, the writer, selecting and transforming documentary materials, subjects them to revisions following his own statist-monarchist concept. As a result, the image of Tikhomirov is depicted in a simplified form: in the writer's narrative, it is not so much the characteristics of the personality of the famous renegade revolutionary and the evolution of his worldview that are important, but the image of an ordinary person who, being a revolutionary due to various external influences, at the same time values traditions, morality, love, friendship, etc. These dominants determined the character's gradual radicalization and his departure from the revolution.

Keywords: biography, historical-biographical novel, O.N. Mikhailov, "The Forgotten Emperor".

Аннотация: В статье рассматривается «революционная» часть историко-биографического романа О.Н. Михайлова «Забывтый император». Текст романа сопоставляется с документальными источниками – воспоминания исторических деятелей и исследовательские работы историков. Писатель представляет революционное подполье через призму знаменитого революционера-ренегата Л.А. Тихомирова. Выясняется, что, с одной стороны, повествование о революционерах в романе состоит из обширных выписок из воспоминаний Тихомирова, что обеспечивает правдоподобность исторического нарратива. С другой стороны, писатель, отбирая и трансформируя документальные материалы, подвергает их переработкам в соответствии с собственной государственно-монархической концепцией. В итоге образ Тихомирова изображается в несколько упрощенном виде: в повествовании писателя важны не столько характеристики личности знаменитого революционера-ренегата и эволюция его мировоззрения, сколько изображение обычного человека, который, оказавшись в подполье в силу разнородных внешних влияний, в то же время ценит традиции, нравственность, любовь, дружбу и т.д. Эти доминанты обуславливали как постепенную радикализацию персонажа, так и его отход от революции.

Ключевые слова: биография, историко-биографический роман, О.Н. Михайлов, «Забывтый император».

Многие исследователи указывали на литературно-художественную природу «реконструированных» биографических текстов, которые отличаются от чисто хронологических описаний — например, летописи события или жизни исторического деятеля — тем, что в «реконструкции» описываемого автор не просто пересказывает исторические материалы, но и устанавливает внутренние связи между ними на основе собственной концепции, придавая повествованию целостность. «Все схемы отбора, оценки и соединения материала, применяемые для создания цельной истории, — пишет У. Киттштейн, — основываются на определенной картине мира автора, его убеждениях и представлении о личности, происходящих из настоящего» [3, с. 46–47]. Из этого следует, что при изучении биографического текста нельзя обойтись без обсуждения этой авторской концепции или картины мира. Обращаясь к биографическому роману, целесообразно задействовать историко-генетический и сравнительно-исторический методы.

В данной работе предметом изучения является историко-биографический роман О.Н. Михайлова «Забывтый император», посвященный жизни и деятельности Александра III. Несмотря на то, что по своему замыслу эта книга должна стоять ближе всего к жизнеописанию царя, роман Михайлова отличается фрагментарностью композиции и «мозаичной» подачей исторических материалов. Автор ставит своей задачей не только осмысление жизни и деятельности императора, но и концептуальную реконструкцию панорамы жизни поздней Российской империи со всеми ее проблемами. Одной из центральных проблем как истории страны, так и романа Михайлова оказывается деятельность революционеров.

В двойной композиции романа чередуются сцены из жизни Александра III, его семьи и высшего света — с повествованием о постепенной радикализации и последующем ренегатстве революционера Льва Тихомирова, члена Исполнительного комитета партии «Народная воля»,

отрекшегося от революционных убеждений и в 1888 году ставшего монархистом. «Революционная» часть текста Михайлова составлена, в основном, из заимствованных у Тихомирова и соединенных в целостное повествование фрагментов из различных сочинений Тихомирова. Так, краткое резюме, подводящее итог рассказу о ранних годах жизни Тихомирова, берется напрямую из его мемуаров «Тени прошлого», но при этом заостряется, строится на подчеркнутых антитезах и сопровождается негативно-оценочной лексикой, отсутствующей в первоисточнике:

У Тихомирова:

«Все это нигилистическое воспитание при всей резкости было, однако, полно противоречий. Идеи коммунизма и идеи безграничной свободы. Отсутствие обязательности и требования нравственности, неизвестно для чего и по какому праву. Республика — и невозможность ее. Вдобавок — борьба всего этого с основным русским фондом души. <...> Этот хаос не был невыносимым только по молодости, потому что жизненная сила все же играла; во-вторых, потому, что впереди был университет, который должен был все разрешить окончательно, указать, как и что делать, внести в хаос свет и мысль.

И вот когда этого не случилось — явилась страшная тоска.

<...>

Так пошли в революцию, в народ...» [12, с.219]

У Михайлова:

«Такое нигилистическое воспитание при всей его резкости, было, однако, исполнено противоречий. Идеи коммунизма противоречили безграничной свободе; отсутствие обязательности — требованиям нравственности; статус республики — полной невозможности построения ее в евроазиатской России. Вдобавок все эти идеи своей тлетворностью подрывали основы русской души: химерическое блуждание в потемках с закрытыми глазами. Но такой хаос можно было вынести лишь по молодости, свежести сил, юношеской безответственности, на заре жизни. А кроме того, думалось: впереди университет, который разрешит окончательно все больные вопросы, укажет, что и как делать, внесет в хаос порядок, свет и мысль. И вот университет...

<...>

С университетской скамьи, от alma mater, которая не раскрывала, а душила все путное, Тихомирову открылся один путь: в революционеры» [7, с.51-52].

Ценность и даже уникальность мемуаров Тихомирова для изучения психологии революционера и истории революционного движения в России всегда признавалась учеными. Однако несмотря на то, что мемуарист нацелен на «создание документального среза эпохи, ее духовных настроений и социальных стремлений» [12, с. 16], о «документальности» этого текста можно говорить лишь с оговорками. Для воспоминаний вообще, по

словам немецкого ученого Алейды Ассман, характерны «неточность и вариативность». В процессе «переписывания» воспоминаний, согласно Ассман, используется технология «ретуширования», «которая устраняет из фотографии нежелательные или случайные элементы, приукрашивая, усиливая и акцентируя в ней важное и нужное» [1, с. 144]. Из этого следует, что в основе всякого текста воспоминаний лежит не столько объективное воспроизведение целостных событий прошлого, сколько приукрашенное под влиянием актуальных для мемуариста обстоятельств повествование о разрозненных эпизодах жизни, объединяемых его общим видением прошлого во время создания текста. Таким образом, любые воспоминания предполагают в качестве предварительного условия определенную авторскую позицию, которой оказывается проникнут весь текст.

Обрабатывая мемуары Тихомирова, Михайлов при создании собственного текста о революционном подполье не только эксплицирует позицию Тихомирова-монархиста после «обращения», но и, несомненно, во многом разделяет ее сам.

Уже в мозаике картин, изображающих пути, которыми приходила в революцию молодежь 1870-х гг. (эти картины представлены в разных главах, но имеют общий источник — воспоминания Тихомирова. Так, например, описание студенческой вечеринки и эпизод со студентами Михельсоном и Шульгой заимствованы из главы V «Моих воспоминаний. 1870 г.» [12, с. 224–229]; повествование о нигилистических и социалистических убеждениях, внушаемых молодежи 1870-х гг. взято из главы I [12, с. 216–219]. Отметим также соответствия отдельных фраз в книге Михайлова с исходным текстом: описание природы Геленджика взяты из главы III «Семейной хроники» [12, с. 36]; рассказ о сне матери Тихомирова — из главы IV «Семейной хроники» [12, с. 50], и т. д.), автор романа, с одной стороны, представляет картину благоприятной для этого общественно-политической обстановки, а с другой — противопоставляет набожность юного Тихомирова «несамостоятельности и душевной пустоте» [7, с. 48] большинства прогрессивно настроенных студентов. При этом Михайлов сохраняет и передает читателям оценки Тихомирова-монархиста, превращая, таким образом, своего повествователя романа в рассказчика, который не только знает о будущих изменениях в мировоззрении своего героя, но и подчеркивает по ходу изложения событий обманчивость и аморальность революционных нравов и идей.

Такая позиция повествователя заметна и в рассказе о народоволке С.Л. Перовской, хотя источник тут другой. Первые описания знаменитой революционерки заимствованы из текста мемуаров П.А. Кропоткина, ср.:

У Кропоткина:

«Теперь в повязанной платком мешанке, в ситцевом

платье, в мужских сапогах таскавшей воду из Невы, никто не узнал бы барышни, которая недавно блистала в аристократических петербургских салонах.

<...>

Говорила Перовская мало, но думала много и сильно. <...> ум ее был вдумчивый и серьезный, что поверхностно увлекаться было не в ее натуре, что спорить она не станет, а если выскажет свое мнение, то будет отстаивать его, пока не убедится, что переубедить спорящего нельзя» [6, с. 299–230].

У Михайлова:

«В ситцевом платье и в мужских сапогах, в повязанной платком мешанке, таскавшей воду из Невы, никто бы не узнал сейчас барышню, которая еще недавно блистала в петербургских аристократических салонах.

<...>

Говорила она мало. Но если высказывала свое мнение, то была готова отстаивать его до конца, пока не убеждалась, что спорящего невозможно обратить в свою веру» [7, с. 69].

Однако дальше точное воспроизведение нарушается: в романе за деталями, говорящими о личности Перовской, следуют критические замечания о народнических убеждениях не только этой революционерки, но и всех чайковцев. Кропоткин, до конца жизни придерживавшийся анархо-коммунистических воззрений, дает весьма положительную оценку народнических убеждений Перовской:

Перовская была «народницей» до глубины души и в то же время революционеркой и бойцом чистейшего закала. Ей не было надобности украшать рабочих и крестьян вымышленными добродетелями, чтобы полюбить их и работать для них. Она брала их такими, как они есть... [6, с. 300].

Оценки Михайлова прямо противоположные:

Конечно, для дочери генерала и аристократки народ представлялся чем-то весьма далеким от реальности, но в этом она разделяла оптический обман едва ли не всех «чайковцев», да и не только их [7, с. 69].

В художественном мире романа Тихомиров часто выступает почти «представителем» автора: он вступает в полемику с революционной молодежью, называя народнические идеи либо «обманом», либо «чепухой» [7, с. 149]. Это выражение заимствовано из текста «Воспоминаний» и принадлежат уже «преобразившемуся» Тихомирову: «Эти цели были довольно чепухисты и сводились к созданию строя, который бы осуществлял якобы идеалы народа относительно общности земель, федерации и т. п. Обыкновенная народническая чепуха» [10, с. 122–123]. Рассказчик, опираясь на позицию реального Тихомирова-монархиста, транслирует его идеи о мечта-

тельности и несбыточности революционных убеждений и одновременно представляет молодого Тихомирова как некоего «революционера поневоле».

В то же время повествователь не перегружает читателей системным изложением размышлений Тихомирова о задачах революционной борьбы и ее средствах, ограничиваясь лишь отдельными фразами о том, что Тихомиров «только и думал о заговоре и государственном перевороте» [7, с. 219]. Рассказчик непрерывно делает акцент на том, что Тихомиров стоял «особняком» в среде отчаянных революционеров, готовившихся к царевубийству. Радикализация Тихомирова обусловлена в романе не усвоением революционных идей, а эмоциональным всплеском, вызванным реакционными мерами правительства. Так, заключенный в тюрьме Тихомиров «чувствовал, что <...> с каждым днем <...> раздражение все более охватывает его, как переполняет его ненависть к власти» [7, с. 87]. Тихомиров верил, что казнь первомайцев будет отменена в последний момент. Крушение этой надежды подтолкнуло революционера к принятию царевубийства.

Исторический Тихомиров был действительно вовлечен в революцию не по собственной инициативе и внутренне не полностью разделял революционные идеи. Он писал, например: «Тогда, в годы моего развития, – то есть примерно 1865–1870 – все почти были революционеры, то есть все, у кого я учился, чьи книги читал, все, кто был слышан. <...> Революционное мировоззрение само ко мне пристало» [Цит. по: 2, с. 97]; «Оставаясь теоретически радикалом, социалистом и революционером, я по чувству, по внутреннему запасу впечатлений, претерпел за эти годы замечательные изменения, которые шли в полный разрез с моими теоретическими убеждениями» [10, с. 82]. Тем не менее революционная жизнь Тихомирова у Михайлова несколько отличается от реальной истории.

Достоверным представляется то, что после освобождения из Петропавловской крепости Тихомиров — в то время член «Земли и воли» и «Народной воли» — переживал свой самый радикальный революционный период. Заключение вызвало у него «самое решительное настроение», и после выхода он «искал людей действия» [Цит. по: 8, с. 102]. Однако, даже в то время, как писал Тихомиров в брошюре «Почему я перестал быть революционером», он никогда не одобрил такого средства борьбы, как царевубийство. Разделяя свою революционную жизнь на три фазиса, он называет время «Народной воли» эпохой «мечты о государственном перевороте посредством заговора», причем Тихомиров в то время терпел стремление товарищей партии к царевубийству, «стараясь, однако, обуздывать его и подчинить созидательным идеям» [11, с. 28]. «Верой и правдой, — писал он, — по совести и убеждению, прослужил я — почти до конца 1880 года. <...> 1881 год я пережил весь уже с

чисто формальной “верностью знамени” [11, с. 21]. Это расхождение его идей с главной задачей партии доходило до того, что он в 1880 г. просил об освобождении от партийной работы [8, с. 114]. Что касается впечатления, которое произвела на Тихомирова казнь цареубийц, то весьма любопытно сравнить текст романа Михайлова с фрагментом из воспоминаний Н.С. Русанова о диалоге романиста Рони со Львом Александровичем:

— <...> Не было ни одного дома, из окон которого не выглядывало бы любопытных. Конечно, и я должен был подойти к окну и смотреть на это шествие, иначе это могло бы возбудить подозрение. <...>

— Вам было ужасно думать, не правда ли, что ваши близкие, идейные товарищи, в жилах которых течет еще горячая кровь, через какой-нибудь час будут безжизненными трупами? <...> *Жажда мести, сознание необходимости продолжать борьбу* <Курсив наш. – Ч. Ш.> проникали в вашу душу? <...>

— Да, знаете, конечно, но это было после <...> а тогда я думал только, какая это несчастная судьба русского революционера, которого со всех сторон травят, как хищного зверя.

— <...> мне <Рони. – Ч. Ш.> было как-то не по себе, было тяжело и стыдно за Тихомирова... Эта исключительная, почти животная дума только о себе и в такие трагические минуты поразила меня... <...> [9, с. 114–115]

Тихомиров плакал, не страшась, что кто-то заподозрит его в сочувствии к цареубийцам.

<...>

Нет! Теперь только мсть! Только мсть! <...> Отец убит, но теперь за ним последует его сын!.. [7, с. 275–276]

В художественном тексте Михайлова Тихомиров в эпизоде казни товарищей впервые проявляет революционный темперамент, который, если верить мемуарам Русанова, не был присущ реальному Льву Александровичу. В то же время радикализация персонажа у Михайлова совершается намного позднее по сравнению с жизненной основой. Если в романе Тихомиров стал бойцом революции после убийства Александра II и решил покинуть Россию, чтобы готовить новые силы для борьбы, то в реальной истории он уехал за границу, в первую очередь, из-за боязни ареста.

Коронация Александра III — эпизод, в котором в романе Михайлова впервые пересекаются две отдельные повествовательные линии о царе и о революционере — становится неким переворотным моментом в ходе эволюции мировоззрения Тихомирова. Взволнованный общим торжественным настроением народа, он начинает сомневаться в своей правоте. В реальной истории, однако, поскольку коронация Александра III была в 1884 году, а Тихомиров уехал из России во избежание ареста еще в 1882 году, он не мог быть свидетелем коронации. Перелом в его душе происходил в эмиграции: погрузившись в заботы о семье, наслаждаясь прекрасной природой Ле-

Рэнси, Тихомиров переосмыслил прошедшую жизнь и, наконец, решился на разрыв с революционерами. Заимствованные Михайловым из «Тени прошлого» фрагменты об эмигрантской жизни Тихомирова [12, с. 542–550] позволяют акцентировать в психологическом перевороте роль традиционной морали, семейных и религиозных ценностей. В реальной же истории, безусловно, отход Тихомирова от революции был обусловлен разнообразным набором факторов как в его революционной, так и в эмигрантской жизни.

Сочинения Л.А. Тихомирова — далеко не единственный источник текста Михайлова о революции. Из мемуаров Кропоткина заимствован не только фрагмент о Перовской, но отчасти и описание тюремной жизни Тихомирова-персонажа [7, с. 84–74; 6, с. 318–322]; три эпизода о товарищах Тихомирова по «хождению в народ» [7, с. 149–152], свидетельствующие о незнании революционерами народа, заимствованны из мемуаров Д.А. Клеменца «Из прошлого» [5, с. 123–126]; повествование о казни первомайцев, которую в романе воочию видит Тихомиров [7, с. 268–276], заимствовано в основном из официального отчета о совершении казни [4] и т.д.

Таким образом, можно предположить, что несмотря на обширные выписки из сочинений Тихомирова, главный герой романа Михайлова в общем нарративе о революции в поздней Российской империи выступает до некоторой степени как «отвлеченный» образ. В повествовании писателя важны не столько характеристики личности знаменитого революционера-ренегата и эволюция его мировоззрения, сколько изображение обычного человека, который, оказавшись в подполье в силу разнородных внешних влияний, в то же время ценит традиции, нравственность, любовь, дружбу и т.д. Эти доминанты обуславливали постепенную радикализацию персонажа, с одной стороны, и его отход от революции, с другой.

Представляется, что выбор воспоминаний Л.А. Тихомирова в качестве основного источника изображения революции в романе Михайлова был не случаен. Консервативная позиция Тихомирова-монархиста, которой проникнуты его поздние тексты, позволяет автору показать как несбыточность доминирующих идей подполья 1870–1880 гг., так и некую предрешенность судьбы героя. Переработка жизненного пути реальной исторической фигуры — внесение фиктивных элементов о его решении отомстить Александру III и о личном присутствии на коронации — позволяет представить пересечение судеб царя и революционера как некий «поединок» и тем самым замкнуть две параллельные композиционные линии романа. У Михайлова в этом поединке побеждает Александр III — представитель религии, традиции и морали, тех ценностей, которые высоко ценит не только автор, но в глубине душе и сам Тихомиров, см.:

«Тихомиров вновь испытал те самые чувства, которые охватили его некогда в Успенском соборе. <...> Тихомиров против воли ощутил нечто потрясающе торжественное, настроение толпы невольно передалось ему, и слезы вновь навернулись на глаза.

<...>

— Нет, Соня права ... Я не Рахметов... И не Желябов...» [7, с. 310–312]

Итак, отбирая и трансформируя многочисленные исторические источники — прежде всего воспоминания революционеров — и создавая на их основе собственный текст, автор «Забытого императора» высту-

пает как «самая незаметная и самая властная персона в биографии» [3, с. 47]. Он компилирует из отдельных цитат и фрагментов нарратив о человеке, в глубине души приверженном традиционным ценностям, но поддавшемся распространенным в его время модным революционным веяниям, вступил в поединок с самим императором и, проиграв, был вынужден осудить террор и вернуться к моральным основам. Эта интерпретация фактов в случае Льва Тихомирова оказывается в целом не противоречащей общей биографической канве жизни знаменитого отступника революции, но из-за обилия тенденциозных эпизодов, деталей и авторских оценок не позволяет считать роман исторически достоверным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 328 с.
2. Дронов И.Е., Шерстюк М.В. Как Лев Тихомиров стал революционером (к вопросу об отношениях Л.А. Тихомирова и А.Д. Михайлова) // История: факты и символы. 2018. № 4(17). С. 95–103.
3. Иванова Е.А. Теоретические основы и актуальные проблемы жанра биографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2012. №12 (3). С. 43–49.
4. Кельнер В.Е. 1 марта 1881 года. Казнь императора Александра II. URL: <https://litlife.club/books/211577/read> (Дата обращения: 06.04.2025).
5. Клеменц Д.А. Из прошлого. Воспоминания. Л.: «Колос», 1925. 181 с.
6. Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Моск. рабочий, 1988. 544 с.
7. Михайлов О.Н. Забытый император. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. 502 с.
8. Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М.: Academia, 2011. 560 с.
9. Русанов Н.С. В эмиграции. М.: Изд-во политкаторжан, 1929. 312 с.
10. Тихомиров Л.А. Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 515 с.
11. Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером. М.: Типография Вильде, Верхняя Кисловка, соб. дом, 1895. 127 с.
12. Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. 720 с.

© Чжан Шицун (aidazh@126.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»